

ства, въ которомъ онъ видѣлъ только пустую забаву, балаганщину, даже шарлатанство, довело его до глубокой меланхоліи. „Грусть меня одолѣваетъ“,—писалъ онъ къ сыну въ 1848 году,—„занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлають поденщика; репертуаръ преотвратительный—не надѣ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынетъ, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня, и не видишь ни въ чемъ отрады“. Убѣжденный въ паденіи искусства, какъ въ очевидномъ несомнѣнномъ фактѣ, онъ смущался, когда выходилъ передъ публикой. Ему было совѣстно и за нее, и за себя. За нее онъ скорбѣлъ оттого, что она ничемъ не выражала своего недовольства современною постановкою театральнаго дѣла. „Она, голубушка, такъ же милостива ко мнѣ“,—писалъ онъ къ сыну, говоря о публикѣ,—„не видитъ, что къ ней на сцену выходитъ не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя своему искусству, но поденщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ, ей все равно! выходитъ туловище, которое носить названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошिकाки, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театръ: я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло“.

Воплемъ отчаянія отзываются нижеслѣдующія строки изъ письма артиста къ Барятинскому: „Все